

¹⁰ См.: Vollmer G. Was können wir wissen? Band I. Die Natur der Erkenntnis. S. 213—215.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Кроме этого, о значении эволюционной теории познания как об коперниканском перевороте в гносеологии см. также: Vollmer G. Evolutionäre Erkenntnistheorie. S. 110, 170—172; Engels E. M. Erkenntnis als Anpassung? S. 252, 341, 373, 449.

Кант и формирование идеи правового государства в первой половине XIX века в Германии

Ю. Я. БАСКИН

(Политологический институт, Санкт-Петербург)

Теория правового государства, приобретая за последние годы столь большое значение для нашей страны, уходит своими корнями в предшествующие столетия. Ее отдельные элементы начали складываться уже к концу XVI — начале XVII в., а свою четкую формулировку она получила в XVIII в. Тогда же стало ясно, что главный и первый принцип правового государства — это принцип юридического закрепления взаимных прав и обязанностей его граждан и самого государства. Неоценима в этом отношении заслуга И. Канта, которого, при всех дискуссиях и разночтениях о роли его предшественников, справедливо считают основателем собственно теории правового государства¹. Широко известно Кантово определение: «Государство (civitas) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам» (4(2)233). На первый взгляд оно не так уж и отличается от тех, которые давались ранее. Кант не первый выдвинул идею о внутренней связи государства и права. Мы находим ее зачатки уже у Цицерона, не говоря о более близких Канту философах и юристах. В чем же тогда основная заслуга Канта? Она заключается в том, что теория правового государства основана у него на идее категорического императива и поэтому означает не просто соблюдение гражданами и государственными органами действующих юридических норм, но и их соответствие праву как мере свободы. Кант одним из первых выдвинул и обосновал мысль о равенстве отдельного гражданина и государства в качестве субъектов правовых отношений. Вот ключевая для нас формулировка: «Категорический императив, который вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона! — Следовательно, свои поступки ты должен сначала рассмотреть, исходя из субъективного основоположения; но значимо ли также объективно это основоположение — это ты можешь узнать лишь по тому, что, так как твой разум испытывает его: можешь ли ты благодаря ему мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы, это основоположение может оказаться пригодным в качестве такого всеоб-

щего законодательства» (4(2) 133—134). Это значит, что гражданин не есть только исполнитель действующих правовых норм, но и то, что его правовое сознание им соответствует. Более того, его поведение может и должно служить образцом для законодателя. Именно в силу этого гражданин и вправе претендовать на равенство с государством.

Посредством категорического императива Кант включил в теорию правового государства не только ее центральное положение о взаимных обязанностях власти и подданных, но и указал на приоритетность в конкретно-юридическом (но, конечно, не социальном и историческом) плане личности и ее прав по отношению к государству, ибо, согласно Канту, каждое разумное существо есть *«цель сама по себе»* и *«высшее условие согласия ее со всеобщим практическим разумом: идея воли каждого разумного существа как воли, устанавливающей всеобщие законы»* (4(1) 272—273). В силу этого обстоятельства гражданин и способен не только формально подчиняться, но и соучаствовать (прямо или косвенно) в законодательстве. Только в силу этого он же способен и готов нести ответственность за свои слова и поступки, без чего невозможно правовое государство. Идея приоритетности личности, столь популярная в наши дни, получила свое утверждение уже в трудах Канта. Но эта приоритетность не была для него абсолютной. Следуя категорическому императиву, и личность, и государство себя самоограничивают для достижения всеобщего интереса.

Такой подход логически вытекал из учения об общественном договоре в его либерально-демократической интерпретации, которой придерживался Кант. В его понимании общественный договор не способен нарушить естественные (неотчуждаемые) права человека, ибо, повторим, закон и право не одно и то же. Право есть мера свободы, закон — юридическое выражение и закрепление права. Поэтому государство в принципе ограничено в своих правах и возможностях, как бы могущественно оно ни было в политическом или ином отношении. А гарантией этой «ограниченности» является принцип разделения властей. Именно он становится преградой на пути узурпации власти одним лицом или группой лиц. (Хорошо известно, что эти положения постоянно присутствуют у Канта.)

Идеи Канта попали на весьма подготовленную почву и поэтому довольно быстро получили не только широкое признание в науке, но и практическое применение. Этому способствовали и политические факторы, сложившиеся в Западной Европе к началу XIX в.: сперва негативное отношение к Французской революции и особенно якобинской диктатуре, а затем (хотя и по совершенно иным социальным мотивам) к деятельности Священного союза. Если у Канта учение о правовом государстве представляло собой оппозицию практике полицейского государства, то в первой половине XIX в. оно оказалось тесно «связанным с

идеями либерализма, со взглядами Б. Констана, И. Бентама и Дж. С. Милля. В Германии разработка теории правового государства осуществлялась первоначально главным образом представителями юридической науки.

Одним из первых юристов, воспринявших идеи Канта, стал Карл Теодор Велькер (1790—1869 гг.). Он был профессором в Гиссене, Киле, Гейдельберге, Бонне и Фрайбурге. С 1831 по 1849 гг. Велькер состоял членом второй палаты Баденского ландтага, а в 1848—1849 гг. депутатом Франкфуртского собрания. В 1813 г. Велькер опубликовал «Основы учения о праве, государстве и наказании». Уже в начале этого исследования проявляется его связь с учением Канта о категорическом императиве. Правда, автор стремится дополнить его религиозными представлениями. По мысли Велькера, вера и разум едины. Иначе: «Вера без одобрения разума превращается в суеверие»². Признавая наличие внутреннего морального закона, автор ставит вопрос следующим образом: «Но может ли этот внутренний закон совести, нравственный закон, являющийся по своему источнику законом субъективным, стать обязательным для всех внешних законом государства?»³. Ответ, безусловно, положительный. Широко употребляя сам термин «правовое государство», Велькер приходит к выводу, что только в нем может быть достигнуто подлинное согласие между основополагающими принципами морали, субъективным и объективным правом. В таком государстве правительство действует на основе законов (объективного права) и в строгом с ними соответствии. Государство оказывается связанным, самоограниченным собственным правом и только благодаря этому способно осуществлять стоящие перед ним задачи. К их числу автор относит: охрану религии, заботу о воспитании граждан, их образовании и просвещении; охрану обычаев и нравов народа, создание условий для «приличествующего» уровня жизни граждан. Если же государство не считает себя связанным объективным правом, оно не может выполнить стоящие перед ним задачи. Иными словами, и в этом существенный шаг в понимании природы государства, оно не может быть ни произвольным союзом людей, основанным на субъективно выдвинутых принципах, ни организацией, действующей по собственному «произволу». Государство исторически необходимо, так как является ступенью в развитии свободы в ее широком значении и в более узком смысле как средство «сохранения свободы и автономии граждан». Велькер не столь категоричен, как Б. Констан, но и он склоняется к мысли, что государство существует для граждан, а не они для государства. Мнение свое он высказывает достаточно определенно: «Самым необходимым для истинной добродетели, как это уже упоминалось выше, является *свобода* граждан, она придает благородство всем чувствам, поддерживает внутреннюю самостоятельность, дает возможность развиваться, поддерживает и воспитывает

вает в человеке все лучшее — честь, прямоту, верность, в то время как рабское унижение и страх непременно делают человека низким, коварным и бесчестным. Следовательно, лучшей поддержкой для добродетели является нерушимость объективного права, полной правовой свободы граждан»⁴.

Спустя двадцать лет эти идеи получили свое дальнейшее развитие у Роберта фон Моля (1799—1875 гг.). Он был профессором в Тюбингене, а затем в Гейдельберге. Одновременно Моль активно занимался политической деятельностью в качестве члена палаты депутатов Вюртемберга, а затем депутата Франкфуртского парламента и министра юстиции; после 1849 г. — члена первой палаты в Бадене и, наконец, депутата Германского рейхстага⁵.

По учению Моля, существует шесть видов государств, характер которых зависит от внутренних и внешних условий жизни народа. Ими являются государства: патриархальное, патриомональное, теократическое, античное (полисное), деспотическое и правовое. Последнее присуще лишь новому времени. Задачей правового государства является «с помощью разумной организации общей власти сделать возможным, чтобы каждый отдельный индивид, каждая фактически существующая область и вся их совокупность могли бы развивать все свои силы и преследовать разумные цели; для этого государство должно защищать и поддерживать их»⁶.

Но правовое государство, согласно Молю, не только создает равные для всех юридические условия деятельности. Оно, «используя доверенную ему власть, помогает отдельным слабо развитым силам достигнуть разумных жизненных целей и, таким образом, способствует этим целям. Оно должно обеспечивать защиту и поддержку всем подданным⁷. (Выражаясь современным языком, осуществлять социальную политику). В этом отношении Моль, как и ряд его современников в Германии, конечно, отличается от представителей классического либерализма типа В. Гумбольдта, по мнению которого основным принципом государства является: «Формальное господство права при внутреннем невмешательстве в дела подданных»⁸. Моль в этом отношении, скажем, более гуманен. Помощь со стороны государства наименее обеспеченным слоям вытекает у него из требований нравственного закона: ведь крайности имущественного положения препятствуют утверждению и развитию добродетели, которая «является основой правовых отношений»⁹ и объективного права. Автор требует также от государства максимального уважения граждан, а не только подчинения их воли правительству. Все чиновники в правовом государстве должны избираться «нацией и ее представителями». Здесь последовательно реализуется принцип разделения властей. Государство обязано уважать честь и достоинство граждан, ибо без этого не могут существовать ни подлинная свобода, ни право и справедливость.

Нарушение чести граждан влечет за собой «исчезновение основы для права». Наконец, среди обязательных добродетелей государства Моль указывает на чувство долга, верность и истинность его деятельности, т. е. на соответствие законов и основанных на них действий реальным условиям, существующим в государстве. Объективное право не должно приходиться в противоречие с интересами общества и его членов. В правовом государстве «определенное лицо становится гражданином только для достижения своих человеческих целей»¹⁰.

Третьим из наиболее авторитетных немецких юристов, работавших в I половине XIX в. учение о правовом государстве, был Фридрих-Юлий Шталь (1802—1861 гг.). Он был профессором в Эрлангене, Вюрцбурге и Берлине. В качестве политика Шталь избирался в палату господ прусского ландтага. Его взгляды отличались заметным консерватизмом: Шталь выступал за отмену конституции 1849 г., был противником социализма и настороженно относился к либеральным идеям¹¹. Но в плане теоретическом это не помешало ему участвовать в разработке идеи правового государства.

В отличие от своих предшественников Шталь решительно не разделял учения о естественном праве. Но он был един с ними в том, что правовое государство, или, как он говорил, «государство права», должно быть одновременно и государством нравственности, нравственным сообществом «и в этом нет противоречия ввиду глубокого единства права и нравственности»¹². Для того, чтобы отвечать этому требованию, государство должно определять на основе права границы своей деятельности и «свободной сферы деятельности» граждан. Правовой порядок должен охватывать все стороны государственной деятельности. «Власть должна основываться не только на авторитете, но и на нравственных убеждениях»¹³, а также на религии. (Шталь был противником отделения церкви от государства). Но нравственность и религия продукт не государства, а общества. Правовое государство не стоит над гражданским обществом, но должно служить ему. Поэтому Шталь считал, что понятие государства у Гегеля «ниже, чем соответствующее понятие у Канта»¹⁴.

Впрочем, служение гражданскому обществу есть не общий признак государства, но признак именно государства правового. Что касается других его типов, то там имеет место и обратная картина. Шталь критикует не только патриархальные и патриомональные государства, но и «народное государство» Руссо и Робеспьера. В последнем «народ считает, что каждый гражданин обладает полной и подлинной политической добродетелью и не признает никаких правовых ограничений, давая всему свои моральные оценки»¹⁵. Такое государство, по мнению автора, нравственно лишь по видимости, ибо оно подменяет устойчивость права эмоциональными и зыбкими представлениями индивидуальной психики и морали. Оно является «абсолютно оши-

бочным», так, как основано на уничтожении внутреннего единства права и нравственности, которые не могут существовать друг без друга. Только при наличии их единства и возможно государство, в котором господствует «нерушимый правовой порядок, право является гарантированным и жизнь отдельного человека неприкосновенной. Внешняя (т. е. государственная. — Ю. Б.) власть не имеет права в нее вмешиваться даже по религиозным и моральным соображениям»¹⁶.

Как мы видим, и Кант, и следовавшие ему немецкие юристы видели сущность правового государства в единстве права и нравственности, которым подчинена деятельность и государства, и граждан. Различая их, они были вместе с тем убеждены, что оба коренных явления человеческой жизни не могут существовать друг без друга. В этом и заключался для них второй коренной принцип политики и правового государства.

¹ Правда, Г. Еллинек пишет, что идею правового государства до Канта высказал Фихте. Действительно, его «Основы государственного права» вышли в свет на год ранее «Метафизики нравов». Но то, что у Фихте осталось лишь идеей, у Канта стало теорией в собственном смысле слова (см.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. Спб., 1908. С. 180).

² Welker K. T. Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe, philosophisch und nach den Grenzen der merkwürdigsten Völker rechtshistorisch entwickelt. Gissen, 1813. S. 26.

³ Ibid.

⁴ Welker K. T. Op. cit. S. 167.

⁵ Schmitz H. Die Staatsauffassung R. von Mohl unter Berücksichtigung der verfassungsgeschichtlichen Entwicklung und des positivischen Staatsdenkens. Köln, 1965.

⁶ Mohl R. von. Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Tübingen, 1866. Bd. I. S. 14. (первое издание вышло в свет в 1834 г.). Есть и русский перевод, но он не очень удачен и заключает в себе лишь ч. 1 книги Моля (см.: Роберт фон Моля. Наука полиции по началам юридического государства/Пер. Р. Семеновского. Спб., 1871. Вып. 1).

Интересно, что сам Моля термин «правовое государство» считал неудачным, но пользовался им, полагая, что «лучше будет удержать это название, получившее столь широкое распространение, ради того, чтобы не дать повода к какой-либо путанице» (Моля Р. Энциклопедия государственных наук. Спб.; М., 1868. С. 256). Отметим также, что Моля (надо полагать без достаточных оснований) критиковал Канта за его: «Воззрение на государство, как на исключительно юридическое учреждение» (там же, с. 63).

⁷ Op. cit. S. 14.

⁸ Humboldt W. Von Ideen zu einem Versuch die Gränzen der Wirksamkeit der Staates zu bestimmen. Leipzig, 1892. S. 53.

⁹ Mohl R. von. Die Polizei-Wissenschaft. S. 3, 12.

¹⁰ Моля Р. Энциклопедия государственных наук. С. 77.

¹¹ Heinrichs H. Die Rechtslehre F. J. Stahls. Köln, 1967.

¹² Stahl F. J. Die Staatslehre und die Prinzipien des Staatsrechts. 3 Auf. Heidelberg, 1856. S. 137 (1-е изд. — 1845 г.).

¹³ Op. cit. S. 138.

¹⁴ Op. cit. S. 140.

¹⁵ Op. cit. S. 138.

¹⁶ Op. cit. S. 139.